

В. А. Починская, А. Р. Шарипова, А. А. Дыдров
V. Pochinskaya, A. Sharipova, A. Dydov
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ В СУЩЕСТВОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНИКИ:
МЕХАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИЗАЦИЯ МАШИНЫ
TWO TRENDS IN THE EXISTENCE OF HUMAN AND TECHNIQUE:
MECHANIZATION OF THE HUMAN AND HUMANIZATION OF THE
MACHINE**

Аннотация: Предмет данной статьи – взаимодействие человека и техники. Авторы обозначают две тенденции эволюции техники и человека – гуманизацию машины и технизацию человека. Вторая тенденция обстоятельно изучена и отражена в российской и зарубежной философии, а первая еще не имеет достаточного освещения. Авторы предполагают, что в недалеком будущем произойдут серьезные трансформации социокультурной действительности (в науке, языке, праве, морали и т. д.), фундированные изменением положения гуманизирующей техники.

Ключевые слова: технизация; гуманизация; техноэволюция; механизация; техноцид.

Abstract: The subject of this article is the co-existence of human and technology. Authors designate two trends in the evolution of technology and human – the humanization of machines and the technization of human. The second trend has been thoroughly studied and reflected in Russian and foreign philosophy, and the first trend has not yet been adequately covered. The authors suggest that serious transformations of socio-cultural reality (in science, language, law, morality, etc.), founded by the change in the position of humanizing technology, will take place in the near future.

Keywords: technization; humanization; technoevolution; mechanization; technocide.

Философы XX–XXI вв. выражали опасения, что человек программируем и программируется. Иными словами, им можно манипулировать «... по любой внешней мере» [3, с. 451]. Программируемость существования человека выражается и в культе регламентации, «заорганизованности» жизни (Н. А. Бердяев). Несомненно, человек серьезно рискует и тогда, когда перепоручает свои дела технике и, в конечном счете, вручает ей самого себя (М. Хайдеггер).

Возможно, в перспективе человек самоустранился и будет молчать, предоставив слово технике. Это, впрочем, не раз было описано на страницах фантастической литературы. В то время, пока мы думаем о технике как об инструменте или вообще не думаем о ней, техника натурализуется и укореняется в мире. Она становится естественнее естественного, «субъектнее» субъекта.

Разговор о субъектности техники не нов. В sci-fi (прежде всего, в литературе и кинематографе) популярны темы восстания машин против своих творцов. Роботы в известной пьесе К. Чапека и сказочных историях С. Лема, суперкомпьютер Ф. Брауна и Х. Эллисона воплотили идею бунта творения против создателя. Боясь утраты власти, человек пытался ограничить роботов тремя-четырьмя законами. В сравнительно недавнем прошлом подобным образом (введением ограничения) отреагировали власти Юты. Офис генерального прокурора штата просил суд об отклонении иска бывшего военного прокурора К. Севьера, вознамерившегося жениться на персональном компьютере. Власти штата попытались ответить на вызывающее поведение экс-прокурора. Вероятно, в будущем история военного прокурора не будет столь известной, однако его идейные «потомки» будут направлять свои силы на преодоление законодательных барьеров вновь и вновь. Дистанция между человеком и техникой стремительно сокращается. По мере ее сокращения отчетливо вырисовываются два тренда – гуманизация машины и технизация человека. Возможно, картины из фантастических романов уже не будут фантастическими: появятся робот, более человечный, чем человек, и человек-программа. Пока человек указывает технике на ее место между идеей и воплощением результата, замыслом и продуктом, самим собой и природой. Однако технике неудобно на отведенном ей «прокрустовом ложе», и она выступает за его пределы. Стоит только допустить, что техника может занять место человека, как привычная картина мира будет стираться, как социокультурная действительность начнет переживать серьезные трансформации и ломку. Ни нормы языка, ни законодательство, ни научные парадигмы не готовы к радикальному изменению положения дел, то есть к утрате человеком статуса субъекта.

В социогуманитарных науках технику определяют как исторически развивающуюся совокупность механизмов, средств, инструментов, а также знаний, умений и навыков, помогающих в деле преобразования природы и удовлетворения потребностей человека. Вопреки распространенному мнению о технике, некоторые мыслители видели в ней нечто принципиально иное, нежели «совокупность» аппаратно-инструментальных средств, знаний или умений. Например, С. Лем в книгах «Этика технологии и технология этики», «Сумма технологии» и «Фантастика и футурология» писал о технике как об особой реальности, что развивается по своим собственным законам. Одним из первых С. Лем ввел в оборот термин «техноэволюция» («*technoevolucja*»), обозначающий направленное развитие (усложнение) технической реальности. Польский писатель и ученый-прогност критически оценивал воздействие техноэволюционных процессов на человека и подчеркивал, что техноэволюция ведет к увеличению зависимости от функционирования и надежности техники [5]. С. Лем предостерегал от попустительского отношения к технике, так как это сделает техноэволюцию неуправляемым и разрушительным для человека процессом.

Советский ученый Б. И. Кудрин ввел в оборот термин «техноценоз», по аналогии с терминами «биогеоценоз» и «биоценоз» [2]. Внедрением терминологической новации Б. И. Кудрин показывал, что техника – это «... бытие, существующее само по себе» [2]. Этот смелый шаг, однако, не был тепло встречен. Например, В. А. Лекторский уверен, что «биологический подход» к феномену техники не даст никаких положительных научных результатов [4, с. 283]. Это мнение

имеет основание. Тем не менее, верно и то, что размещение техники в «прокрустовом ложе» между субъектом и природой, замыслом и результатом уже не адекватно действительному положению дел. В книге «Размышления об эмпатическом познании» С. В. Бочкарева выразила схожую с идеей Б. И. Кудрина мысль. Говоря о взаимодействии техники и человека, С. В. Бочкарева сформулировала принципиально важные вопросы: «Возможно ли „почувствовать“ сущность техники, раскрыть ее потаенные „мысли“?»; «„Техно“ – как мертвая природа и только?» [1, с. 149] и др. Сама постановка таких вопросов может показаться абсурдом, однако они ставятся в академической среде, а не на собраниях «техноязычников».

Обозначенные идеи пока не популярны в академической среде. «Оживление» техники может привести к демонтажу привычных бинарных оппозиций естественного / искусственного, живого / неживого, органического / неорганического. «Сокращение дистанции» между человеком и техникой выражается двумя взаимонаправленными тенденциями – биологизацией техники и механизацией человека. В результате встречи человек и техника поменяются местами: к технике будут применимы понятия развития и роста, а к человеку – механизма и детали.

Языковая среда еще не готова к «схватыванию» и выражению по крайней мере одной из двух обозначенных тенденций. В правовой сфере появится «дефицит» терминов, препятствующий адекватному выражению тенденций и тем более контролю над ситуацией. Некоторое время (10 – 20 лет) техника будет обозначаться и как имущество или собственность, и как подлежащий охране объект. Позднее от человека могут потребовать соблюдения «принципа гуманности» в отношении к технике. Право будет защищать технику от всех известных сегодня «слишком человеческих» правонарушений – убийства, изнасилования, клеветы, грабежа и т. д. По аналогии с экоцидом и геноцидом в обороте может появиться термин «техноцид», обозначающий крупномасштабное уничтожение техники и серьезную угрозу ее существованию. По аналогии с ювенальной юстицией может возникнуть термин «техноюстиция», или юридическая система защиты техники, основанная на принципе уважения к правам техники. Неологизмы «техноцид» и «техноюстиция» являются «каплями» в океане возможных языковых пертурбаций. Изменения в терминологическом аппарате права будут нужны для того, чтобы говорить о технике как о субъекте права, о ее правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Если техника уклоняется от выполнения своих функций и угрожает человеку или технике, ее необходимо перепрограммировать и демонтировать. Образы оштрафованного программного обеспечения или арестованного компьютера сегодня выглядят как безумие. Однако столь же безумными во времена просветителей-энциклопедистов были бы высказывания о психике собак или социализации кошек.

Во второй половине прошлого столетия стало ясно, что механизация труда не является единственным средством механизации человека – жизнь во всей ее полноте и многогранности «перепротезирована» и «перелогизирована» [1, с. 151]. Впервые в истории у процесса механизации человека возникло новое измерение – радикальное вмешательство в природу человека вплоть до аннигиляции тела. Это измерение носит название «трансгуманизм». Результатом

вторжения высоких технологий в человеческую голову может (для трансгуманистов – должно) стать отделение сознания от мозга с последующей «загрузкой» сознания в компьютер. Формулировка такой претенциозной задачи основана на смелых допущениях: 1. Мозг – это «биологический субстрат» сознания. 2. Сознание может существовать без данного эволюцией «субстрата». 3. Сознание измеримо, имеет некоторый «объем», может быть «записано» и «загружено». Формулируя задачу таким образом, трансгуманисты пытаются сорвать с человека вуаль тайны. Известное в философии выражение «l’homme machine» («человек-машина») сегодня приобретает специфический смысл – смысл, соответствующий духу трансгуманизма. Трансгуманисты не удовлетворяются практиками имплантации и трансплантации органов и идут дальше – к «хирургии» сознания и «утилизации» мозга, к искусственной копии тела и телу-голограмме.

Технизация сегодня угрожает природе homo sapiens, стремительно превращающейся в экспериментальную площадку. Значительные шаги (по преимуществу на уровне идеологии) в направлении трансформации человеческой природы сделал трансгуманизм. В программном произведении «FAQ по трансгуманизму» Н. Бостром утверждал, что сознание может и должно быть отделено от биологического «субстрата». Эту идею взяли на вооружение зарубежные и отечественные трансгуманисты. Вопрос «как сохраниться человеку?» носит не отвлеченный, а вполне конкретный характер. Чтобы человек мог обдуманно ответить на обозначенный вопрос, дискурсы о будущем (и в том числе трансгуманизм и иммортология) должны изучаться в учебных заведениях. Внедрение тем и проблем, связанных с будущим, в систему образования не является универсальным и достаточным средством сохранения человека, но это необходимый шаг, побуждающий к рефлексии. Человек должен быть поставлен перед лицом технико-технологических новаций. Только в этом случае он сможет ответить на запросы времени.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Библиографический список

1. Бочкарева, С. В. Размышления об эмпатическом познании / С. В. Бочкарева. – Челябинск : Цицеро, 2011. – 179 с.
2. Кудрин, Б. И. Постнеклассический взгляд на техническую реальность / Б. И. Кудрин. – <http://www.dialog21.ru/biblio/kudrin.htm> (дата обращения : 05.05.2018).
3. Кутырев, В. А. Бытие или ничто / В. А. Кутырев. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 880 с.
4. Лекторский, В. А. Субъект. Объект. Познание / В. А. Лекторский. – М. : Наука, 1980. – 358 с.
5. Лем, С. Фантастика и футурология : в 2 кн. Кн. 1 / С. Лем. – М. : АСТ : ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 591 с.